

Дуэль на костях

Горькое похмелье после ефремовских торжеств

Елена ЯМПОЛЬСКАЯ,
«Новые Известия»

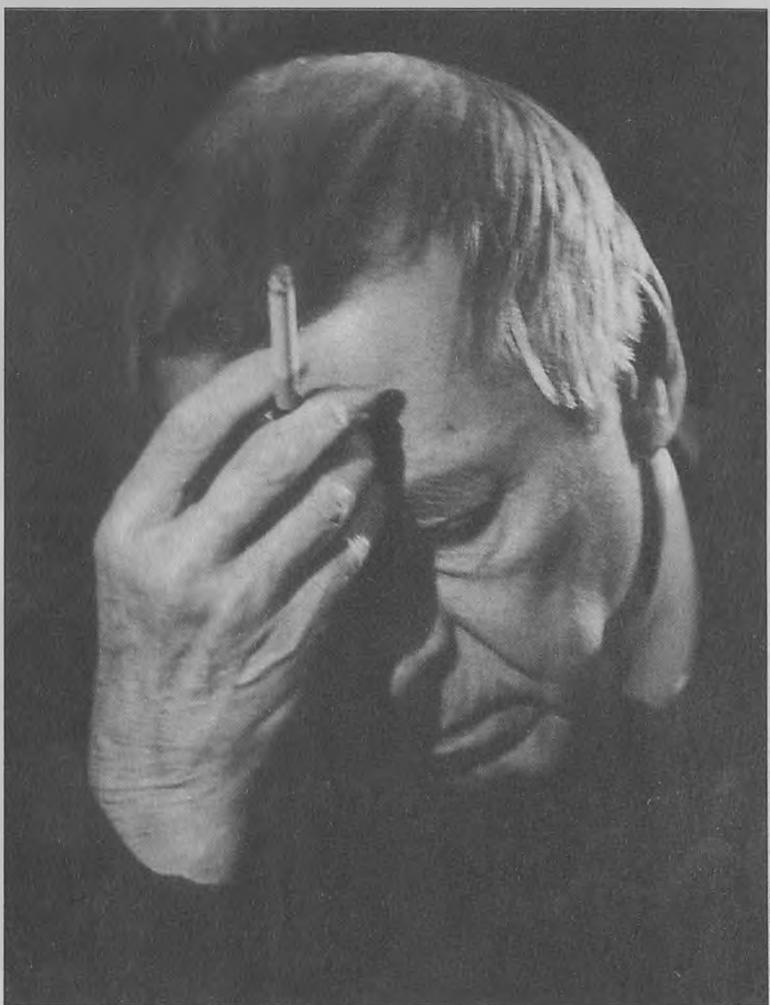
В день юбилея Олега Ефремова чеховский МХАТ обернулся своим худшим, уже практически забытым, понуро-безжизненным ликом. Словно гигантский сквозняк в одну минуту выдул из его стен все живое, веселое, искреннее, словно в Камергерском переулке небо легло на землю, и самые светлые порывы задохнулись в этой грязной вате. 1 октября МХАТ был мрачен, скучен и обидчив, как женщина в критические дни.

Это бывает. Бывает, что нет ни сил, ни настроения праздновать, и голова забита другим, и любые торжественные ритуалы в тягость. В таком случае лучше, наверное, все отменить. Понимаю, что совет наивный, антипрофессиональный, но ущерба репутации, поверьте, было бы меньше. Неотмеченный юбилей обсуждался бы пару дней. Отмеченный запустил с горы новую лавину интриг, кляуз и взаимного недоброжелательства. Никто под ней, конечно, не погибнет, но осадок останется. Долго еще будут звонить из театра в театр «доброжелатели», обиженные начнут готовить реванш, обидчики — выстраивать оборону...

Мхатовский вечер, не обремененный ни продуманным сценарием, ни сколько-нибудь серьезной режиссурой, состоял из двух отделений. Сначала краткие речи перед микрофоном, затем первый акт ефремовских «Трех сестер», который только лишний раз продемонстрировал, что большинство исполнителей для своих ролей безнадежно стары. Театр — это ведь жизнь на сцене не только человеческого духа, но и человеческого тела. Когда Наташе говорят: «Милая, на вас зеленый пояс...», желательно, чтобы этот пояс был очевиден зрительскому глазу, а не прятался где-то глубоко-глубоко в складках... Впрочем, такие мысли посетили публику и во времена Ефремова. Не «Тремя сестрами» поразил лично меня МХАТ 1 октября.

Давно известно, что театральные мир при ближайшем рассмотрении довольно-таки гадок, а российский театр — лишь один из филиалов всеобщего гадюшника. Когда на чествовании ныне здравствующего (дай Бог ему еще столько же) Юрия Петровича Любимова со сцены, не стесняясь зрителей, вставали друг другу шпильки Лужков и Швыдкой, это было не комильфо, однако допустимо. В конце концов Ю.П. сам принадлежит к породе великих скандалистов. Но Ефремов-то умер. И не год назад, как с пафосом выкрикнул в зал Михаил Ульянов, а уже два с половиной. Ему теперь юбилей не нужен. Они нужны тем, кто под шумок любви к Ефремову спешит признать в глубокой антипатии друг к другу.

Объединяющего и примиряющего символа из Олега Ефремова не вышло. Любовь к нему, по замечанию Табакова, «должна обрести все более и более конкретные формы», хотя с конкретикой уже сейчас явный перебор: Тютюкин обожает Олега Николаевича и оттого ненавидит Пупкина, а Пупкин именно в силу своего благоговения перед Ефремовым считает творчество Тютюкина образцом пошлости и безвкусицы. Причем эти тютюкины и пупкины носят в действительности фамилии настолько громкие, культовые, прославленные, что оторопь берет.

ИГОРЬ АЛЕКСАНДРОВ

Да, тяжела ты, доля юбиляра...

Таким людям тягаться бы в высоту, а они тягаются в низменности.

29 сентября в «Современнике» по недосмотру Галины Волчек Олег Табаков был пару раз уколот — незаслуженно и, главное, не к месту. Поднявшись через два дня на сцену своего театра, худрук МХАТа саркастически сообщил присутствующим, что «в Москве развернулось капиталистическое соревнование за меру и силу любви к Олегу Николаевичу», предложил впоследствии чередовать памятные мероприятия, как чередуются Олимпиады и Игры доброй воли, а также высказал предположение, будто бы по христианским канонам отмечать рождение человека на протяжении нескольких дней не годится. Христианство, во всяком случае российское, православное, вроде бы мало интересуется датой рождения, предпочитая именины, то есть день ангела. Кроме того, запамätовал, видно, Олег Павлович, какие блистательные марафоны сам устраивал из собственных круглых дат, вряд ли испрашивая под них церковное благословение...

«Современник» действительно повел себя некрасиво. Залучив Табакова на свой праздник, решили почему-то визит не возвращать. Сделали финт ушами и отправились 1 октября на концерт Башмета. А утром того же дня, когда МХАТ приглашал всех желающих приехать на Новодевичье, возложив цветы к могиле Олега Ефремова, «Современник» на-

значил пресс-конференцию, где объявлено было об учреждении какого-то отдельного ефремовского фестиваля... Странные вещи творятся на этом свете, господа.

...Вышел к микрофону Виктор Сергачев и пнул Михаила Швыдкого. Вышел блистательный Анатолий Смелянский и вонзил остро отточенную шпалу в Виталия Вульфа. При этом и Вульф, и Швыдкой находились в зале, а министр даже произносил спич по своей протокольной обязанности...

В ответ на мое искреннее недоумение знающие люди за кулисами горячо возражали: «А ты слышала, как Вульф поливал Смелянского в своей передаче? А Табакову, думаешь, легко?..». Палестинско-израильский конфликт. Око за око, зуб за зуб. Кончились настоящие, принимаются за вставные. Кто кого в этой театральной песочнице первым огрел лопаткой, выяснить уже невозможно, но бросать лопатки категорически не хотят, пока друг друга не закопают. У молодой театральной критики скоро работы не будет — десятилетия отечественной культуры и без нас прекрасно перегрызутся.

А Ефремов все смотрел, смотрел на происходящее с большого экрана, мял сигарету и так хорошо улыбался...

Тоже не святой, наверное, был человек, но любить умел.

И о душе думал.

Вот ведь архаические качества...

Сейчас уже и не встретишь...